

© А. В. Мазуркевич, М. С. Яницкий, А. В. Серый

DOI: [10.15293/2226-3365.1703.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1703.07)

УДК 159.922

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ САМОИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КАРДИНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

*А. В. Мазуркевич (Петропавловск-Камчатский, Россия),
М. С. Яницкий, А. В. Серый (Кемерово, Россия)*

Проблема и цель. В статье представлен обзор теоретических положений, позволяющих рассматривать системное взаимодействие личностных, социальных и темпоральных аспектов самоидентичности в условиях изменений жизненной ситуации. Цель статьи – выявить и охарактеризовать основные тенденции трансформации ценностно-смысловой сферы личности, обуславливающей устойчивость/изменчивость Я-образов во времени в условиях кардинальных изменений жизнедеятельности, задать вектор и очертить контуры будущих исследований по проблеме.

Методология. В качестве модельной группы, демонстрирующей этап самоосуществления в условиях кардинальной смены жизненной ситуации, выступали профессиональные моряки. Эмпирическая база представлена двумя замерами, проведенными последовательно в трех модулях: прошлое, настоящее, будущее на одной и той же выборке в обычных условиях жизнедеятельности и условиях длительного рейса. В качестве измерительного инструментария использовались тест ценностных ориентаций М. Рокича, семантический дифференциал времени, авторский методический прием использования техники репертуарных решеток.

Результаты. Обозначены тенденции изменения иерархических позиций ценностей в различных временных модулях – прошлого, настоящего и будущего. Охарактеризована связность конкретных ценностных позиций в иерархии с соответствующим «временным Я». Определена степень интегративности системы ценностей с конструктом временной самоидентичности Я. В статье исследуются актуальные вопросы влияния факторов времени и среды на идентификационные процессы и выявляются особенности временной трансформации ценностных структур

Мазуркевич Андрей Викторович – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии, психолого-педагогический факультет, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга.

E-mail: lokys72@mail.ru

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, директор социально-психологического института, Кемеровский государственный университет.

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, социально-психологический институт, Кемеровский государственный университет.

E-mail: avgrey@yahoo.com

самоидентичности личности в условиях, близких к экстремальным, кардинально отличающихся от обыденных. Подчеркивается детерминирующая роль контекста жизненной ситуации в данных процессах.

Заключение. *Сделаны выводы о закономерном характере ценностно-временных трансформаций самоидентичности личности в условиях экстремальной жизнедеятельности. Авторами отмечается, что исследование носит эксплораторный эмпирический характер, потенцирующий интерес к ранее не исследованной области.*

Ключевые слова: *ценностные ориентации; идентификационные процессы; временная перспектива; временная идентичность; устойчивость самоидентичности; жизненная ситуация; временной тренд ценности.*

Постановка проблемы

В современных психологических исследованиях, посвященных проблеме идентичности, активно обсуждается изменчивость/устойчивость этого феномена в связи с постоянно изменяющимся социальным пространством. Анализируя состояние этой проблемы в социально-психологическом ракурсе, Е. П. Белинская акцентируя внимание на исследованиях таких характеристик идентичности, как «множественность Я» и «потенциальность (вероятности рефлексии) различных Я-структур», приходит к заключению, что сегодня необходимыми основаниями осмысления конфигураций идентичности являются понятия «время» и «среда» [17]. Необходимо отметить, что исследование взаимосвязи идентичности с различными аспектами проявления психологического времени является достаточно традиционным для психологии, поскольку осознание времени своего существования является важным дополнением к осознанию собственной идентичности. При рассмотрении различных подходов к пониманию времени личности мы сталкиваемся с указанием в них на существование целостного образа «Я» во времени. Так, Т. Luckmann в качестве характеристики итога идентичности описывает временную структуру, являющуюся синтезом субъективного и биографического времени, переживаемых как основные смыслы

в конструировании и реконструировании целостного хода жизни [9]. R. D. Laing характеризует идентичность через «обладание чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной личности» [8]. G. Breakwell выделяет субъективное время в качестве структурного компонента идентичности, определяющего ее развитие на протяжении всей жизни человека [3]. Т. Smythe подчеркивает, что личностная идентичность возможна потому, что человек помнит свое прошлое «Я» и помнит свои намерения для себя будущего. Именно целостное представление о себе в прошлом позволяет человеку иметь привилегированный эпистемологический доступ к своим намерениям и планам [13].

Анализ понятия идентичность в контексте временной перспективы личности позволяет прийти к размышлениям о ценностно-смысловом аспекте самоосуществления человека. Переживание жизненных событий (прошлого, настоящего и будущего) осуществляется через систему личностных смыслов, на основе которых человек соотносит свои возможности и цели, распределяет события жизни по значимости на данный момент времени, а значит и строит интегрированный образ себя, с целью идентификации собственной социально-личностной позиции [24]. А. Waterman указывает в качестве элементов иден-

тичности убеждения, ценности и цели, последние локализованы в персональном будущем, однако влияют на самоопределение человека в настоящем [16]. Результаты современных исследований, посвященных процессам взаимообуславливания временной перспективы и ценностно-смысловых образований личности, отчетливо демонстрируют ценностно-смысловую детерминацию временной перспективы и предполагают рассмотрение ценностно-смысловых образований личности в качестве предикторов, как временной перспективы, так и различных проявлений идентификации личности [14; 22; 25].

В силу двойственной (социальной и личностной) природы ценностей, процесс идентификации невозможно рассматривать в отрыве от средовых условий жизненной ситуации, в которой находится человек. Ценности, являясь ориентирами развития, определяют контекст субъективного будущего человека и силу его мотивационной тенденции, регулирующие поведение в настоящем. Результаты ряда исследований указывают на эту тенденцию. Так, D. Oyserman и соавторы в своих исследованиях выявляют связь позитивного/негативного контекста с оценкой образа «Я» в будущем [1; 12]. Исследование К. Согоран и J. Peetz демонстрирует, что состояние идентификации себя в настоящем обуславливает характер отношения к образу «Я» в субъективных будущем или прошлом в контексте ситуации [4]. Y. Sokol и M. Serper констатируют, что нарушение непрерывности идентификации себя во времени зависит от самоощущения себя в настоящем, а образы «Я в будущем» и «Я в прошлом» во многом зависят от оценки контекста ситуации [15]. Подобные результаты получены в исследовании К. Lachowicz-Tabaczek и Beata Bajcar, в котором показана связь позитивности самооценки

«Я» в различных локусах субъективного времени [7]. R. Jaspal и M. Cinnirella расширяют контекст воздействий на идентификационные процессы, вводя в него факторы этноса и представлений об окружающей среде, в частности, о климате [5–6]. Ю. Ю. Неяскина и А. В. Мазуркевич, наряду с социальной средой, определяют состояние природной среды как показатели качества жизни человека, субъективное благополучие которого во многом обуславливает сбалансированность временной перспективы личности [20]. Указывая на значимость средовой составляющей в идентификационных процессах, О. И. Муравьева, С. А. Литвина и С. А. Богомаз делают заключение о том, что понимание среды как ментального пространства возможно через такие измерения, как место, время, ценности, при этом «место» и «время» рассматриваются не через физические, а психологические характеристики [18]. В исследовании Е. А. Сергиенко и Ю. Д. Киреевой выявлена взаимосвязь показателей возрастного самовосприятия, временной перспективы и отношения к социально-экономическим факторам [21]. Таким образом, можно заключить, что контекст жизненной ситуации является значимым фактором, определяющим оценку человеком своего «Я» в различных временных модулях жизнедеятельности.

Выделяя понятие «жизненная ситуация», мы будем рассматривать его как состояние равновесия или неравновесия в системе «человек – среда» на определенном этапе самоосуществления, зависящее как от специфики средовых условий, так и от индивидуальных особенностей человека [23]. Соответственно, для характеристики жизненной ситуации можно выделить три важнейших, по нашему мнению, аспекта, обуславливающих ее контекст: личностные факторы, характер и направленность деятельности и условия соци-

альной среды. Единицами анализа перечисленных факторов могут выступать системы ценностей личности и социума. Исследование М. Berzonsky и D. Papini демонстрирует влияние ценностных ориентаций личности на стили идентификационных процессов и роль ценностей в процессах создания и поддержания чувства идентичности [2]. Это позволяет рассматривать идентификацию как постоянно воспроизводимый процесс ценностно-смыслового взаимообуславливания трех основных сфер самоосуществления человека – деятельности, социального окружения и его внутреннего мира в контексте временной транспективы. Данное взаимообуславливание характеризуется актуализацией приоритетности для человека ценностей и смыслов одной из сфер его самоосуществления, определяемой задачами жизненной ситуации, а также взаимосвязью образа мира и образа жизни. В результате данного процесса идентичность проявляется как способность человека ощущать себя субъектом жизненной ситуации. Такое понимание идентификации позволяет, по-нашему мнению, рассмотреть проблему изменчивости/устойчивости «Я», его множественности и вероятности, в плоскости психологии личности. Поскольку идентичность в данном случае обуславливается контекстом жизненной ситуации и факторами, определяющими ее условия: социальное окружение (нормы и ценности социума), смысл выполняемой человеком деятельности (жизненные задачи развития) и его личностный потенциал самоосуществления (личностные ресурсы на определенной жизненной стадии развития), то актуальным становится исследование субъективных аспектов идентификации, психологических факторов и механизмов, обуславливающих переживание идентификационных процессов, а также выявление закономерностей, тенденций и особенностей трансформации ценностно-смысловой

сферы личности как фактора, определяющего устойчивость/изменчивость «Я» в условиях кардинальной смены жизненной ситуации.

Вышесказанное предполагает рассмотрение идентификационных процессов не только как самоотождествление человека с образами «Я», образами других людей или групп, но прежде всего как переживание человеком смысла этих процессов через актуализацию ценностного отношения к субъективным прошлому, настоящему и будущему.

Методология

Для выявления особенностей трансформации ценностно-смысловой сферы личности, обуславливающей устойчивость/изменчивость я образов во времени в условиях кардинальных изменений жизнедеятельности, мы провели настоящее исследование. В качестве модельной группы, демонстрирующей этап самоосуществления в условиях кардинальной смены жизненной ситуации, выступали профессиональные моряки. Эмпирическая база представлена двумя замерами, проведенными последовательно на одной и той же выборке из 23 человек, находящихся как в обычных условиях жизнедеятельности, так и умеренной социальной депривации (длительный рейс) и напряженных трудовых условиях с интервалом в три месяца (замер в начале рейса и замер по его завершении). Сочетание этих двух факторов дает нам основание говорить об экстремальности (околоэкстремальности) условий жизнедеятельности в условиях рейса, а следовательно, о кардинальных изменениях жизнедеятельности по сравнению с обычным образом жизни до рейса.

Умеренная социальная депривация выражается в том, что конкретный человек выступает субъектом системы межличностных отношений (выстраивает ее, развивает, актуализирует те или иные межличностные связи в

различные моменты времени) с крайне ограниченной по количеству и фиксированной по составу и характеристикам совокупностью других субъектов отношений. Более того, нужно отметить, что даже это ограниченное социальное пространство еще более сужается самим процессом трудовой деятельности: человек может выстраивать более-менее устойчивую и актуальную систему социальных связей не со всеми коллегами по трудовой деятельности, а только с теми, с кем это возможно по причинам: а) властно-иерархической структуры коллектива, требующую жесткой субординации в отношениях, б) вахтового метода длительного рейса (общение и взаимодействие в основном строится с теми, кто находится в одной вахтовой смене – а это одна треть от всего трудового коллектива). Кроме того, набор работников в подобного рода рейсы в условиях дефицита специалистов соответствующего профиля ведется без учета психологических особенностей моряков, что неизбежно порождает целый спектр проблем межличностного взаимодействия в длительном рейсе.

Необходимо также учитывать, что человек, вовлеченный в такого рода трудовую деятельность, вынужденно отрывается от непосредственного общения со своими семьями, близкими родственниками и друзьями, которые составляют ближайший круг социального окружения с характерными для него функциями: рекреационной, коммуникативной, эмоциональной, информационной и т. д.

Таким образом, в данном социальном контексте бытия личности создаются все предпосылки для возникновения и развития ее социальной фрустрированности, которая, в свою очередь, является одним из факторов с положительной обратной связью (сильнее социальная изоляция – сильнее фрустрирован-

ность – сильнее психологические переживания, связанные и вызванные социальной фрустрированностью – сильнее социальная изоляция личности) для психологического переживания личностью экстремальных условий деятельности.

Второй фактор, позволяющий нам обозначить условия жизнедеятельности моряков как экстремальные, является самоочевидным: физические, физиологические условия не соответствуют нормальным и тем более комфортным для полноценного функционирования человека. Для пояснения этого утверждения приведем лишь некоторые характеристики самоосуществления человека в данных условиях.

1. Темпоральная специфика деятельности – ее режим определяется не привычным в социальном и биологическом смысле ритмом, а неизбежно необходимым: 4 часа вахта, 4 часа подвахта, 4 часа сон. Такой ритм вынужденно сохраняется на протяжении не просто суток, а недель и даже месяцев.

2. Физические условия деятельности: а) высокий уровень влажности, негативно сказывающийся на самочувствии и здоровье работников; б) зачастую пониженные температуры трудовой среды; в) испарения технологических сред и термической деструкции в герметичных помещениях; г) повышенный уровень шума природного и техногенного генеза; д) повышенные уровни низкочастотного электромагнитного излучения; е) искусственное освещение нижних (технологических) помещений.

3. Физиологические условия: а) необходимость постоянно высокого уровня концентрации внимания как в период вахты, так и в период подвахты (суммарно 16 часов в сутки); б) необходимость адекватного ответа на высокий уровень физических нагрузок; в) постоянная бортовая и килевая качка, вносящая серь-

езные изменение в деятельность вестибулярного аппарата.

Совокупное действие социальных, темпоральных, физических и физиологических условий не может не актуализировать базовые личностные структуры, определяющие сущностные интенции личности и проявляющиеся в представлениях о самом себе, а также времени «дления» себя из прошлого в будущее.

Базовым методическим приемом в данном исследовании было сравнение одноименных психологических параметров в трех субъектно-временных модусах. Таким образом, были построены тренды представлений респондентов о себе во времени и ценностно-смысловой иерархии, также соотнесенной со временными модулями личности – прошлое, настоящее, будущее.

При этом предполагалось, что изменение жизненной ситуации будет не просто значимо влиять на иерархический статус той или иной ценностной компоненты при переходе от прошлого через настоящее к будущему, но экстремальная ситуация будет кардинально менять траекторию (тренд) ценности в ее неслучайной миграции по ценностно-иерархической структуре. Например, если *до* длительного пребывания личности в экстремальной ситуации некоторая ценность мигрировала в ценностной иерархической структуре к более высоким ранговым позициям (значимость ценности для респондента в замеры «до» становилась больше от модуля прошлого к модулю будущего), то *после* длительного пребывания в экстремальных условиях жизнедеятельности траектория ценности менялась, например, на нисходящую (значимость ценности для респондента в замеры «после» становилась меньше от модуля прошлого к модулю будущего). Это могло бы свидетельствовать не просто о пересмотре статичной важности конкретной ценностной позиции в жизни человека, но

о коренном пересмотре ее роли в жизни субъекта, изменении ее интенционально-динамического статуса в ценностной иерархии.

В качестве измерительного инструментария, релевантного поставленной цели изучения компонентов ценностно-смысловой сферы личности, находящейся в экстремальных условиях жизнедеятельности, были использованы следующие методики:

1. Тест ценностных ориентаций М. Рокича.
2. Семантический дифференциал времени в трех временных модусах – прошлое, настоящее, будущее.
3. Авторский методический прием использования техники репертуарных решеток (ранговая решетка), где в качестве элементов использовались образы «Я» в прошлом, настоящем, будущем, «Я осмысленное», «Я бессмысленное», а в качестве конструкторов были заданы основные факторы личностного опросника NEO PI (открытость опыту, дружелюбие, сознательность, направленность на внутренний мир, активность). Респондентам предлагалось проранжировать личностные качества с позиций заданных образов «Я».

В качестве статистического критерия, релевантного поставленной задаче, был взят критерий χ^2 -Фридмана, позволяющий определять значимость изменений при нескольких замерах на одной и той же выборке. Все методики и этот критерий применялись дважды: для замера «до» в трех модусах: прошлое, настоящее, будущее; и для замера «после» также в трех модусах: прошлое, настоящее, будущее.

С учетом методического принципа, изложенного выше, ключевыми для дальнейшей интерпретации нами полагались те ценностные компоненты и психологические параметры, которые статистически значимо изменили траектории (прошлое – настоящее – будущее) в замерах «до» и «после» пребывания личности в экстремальных ситуациях.

Результаты и обсуждение

В виду устойчивости ценностно-смысловой иерархии личности, обусловленной ее жизнеконституирующими статусом и ролью, ожидать тотальной/всеобъемлющей перестройки всей ценностной системы в рассматриваемых условиях было бы неоправданно. Однако полученные нами результаты являются важными для понимания закономерностей динамики ценностной трансформации.

В приведенных ниже таблицах (табл. 1, 2) представлены параметры, имеющие статистически значимое изменение ранговой позиции или выраженности признака при переходе по линии тренда «прошлое – настоящее – будущее» в замерах «до» и «после». Из таблицы видно, что существует целый блок ценностей и параметров, характеризующих отношение личности к своей жизни и ее временной перспективе, на которые оказало сильное влияние (с точки зрения их динамики) пребывание в изменившихся условиях жизнедеятельности.

Таблица 1

Статистически значимые изменения ранговых позиций ценностей при переходе по линии тренда «прошлое – настоящее – будущее» в замерах «до» и «после» по Критерию Фридмана (X^2 r)

Table 2

Statistically significant changes of ranking position of values orientation during the transition on the trend line "past-present-future" measurements "before" and "after" by Friedman X^2 r test

Ценности	Замер «до»				Замер «после»			
	P-уровень	Средние ранги			P-уровень	Средние ранги		
		Прошлое	Настоящее	Будущее		Прошлое	Настоящее	Будущее
Любовь	0,049	7,71	6,9	6,39	0,043	6,39	5,73	5
Счастливая семейная жизнь	0,019	6,39	3,43	4,31	$P > 0,1$	6,34	5,65	4,95
Счастье других	0,066 *	13,82	12,8	12,3	$P > 0,1$	14,17	13,65	14,26
Уверенность в себе	0,041	9,3	8	10,4	$P > 0,1$	10,3	10,43	9,91
Наличие хороших и верных друзей	$P > 0,1$	6,0	7,95	7,95	0,02	6,21	9,21	8,91
Познание	$P > 0,1$	10,08	10,56	10,78	0,066 *	12,78	11	10,6
Продуктивная жизнь	$P > 0,1$	10,91	11,42	11,91	0,09 *	10,73	10,26	10
Высокие жизненные запросы	$P > 0,1$	12,34	12,0	12,34	0,08 *	12,39	12,65	11
Чуткость	$P > 0,1$	11,91	13,08	11,95	0,068 *	12,47	12,47	11,69

Примечание. * – изменения на уровне выраженной тенденции.

Note*. – level change trend

Так, по тесту М. Рокича коренным образом изменили линию временного тренда следующие ценностные ориентации.

1. Счастливая семейная жизнь – до экстремальных условий линия тренда была зна-

чимо повышающей, а после воздействия экстремальных факторов она перестала быть таковой, т. е. если до рейса респонденты в своей временной ценностной трансективе полагали роль счастливой семьи как непременно возрастающую, то после рейса тренд замедлил

свой взлет к первым позициям, что может быть следствием ситуации «ценностного насыщения», когда ценность в «здесь и сейчас» обретает свою максимально фиксируемую в рефлексии субъекта иерархическую позицию. Она, ценность, становится предельно «оцененной» в структуре ценностной иерархии.

2. Счастье других – также до воздействия имела четко фиксируемый восходящий тренд иерархической позиции, а после воздействия экстремальных ситуаций в результате переоценки ситуации и роли счастья других в сознании субъекта, эта ценность не просто остановила свой восходящий тренд, но и несколько снизила его относительно первоначальных позиций. Счастье других больше не является во временной перспективе личности увеличивающей свою значимость позицией, а выполняет, скорее, роль вспомогательной ценности, располагающейся ближе к периферии структуры ценностного континуума.

3. Уверенность в себе – если до рейса ценность уверенности в себе имела статистически нисходящую траекторию во временной перспективе личности, то после рейса она так же, как и в предыдущих случаях, заняла устойчивое место в иерархической структуре ценностей, что можно трактовать как упрочение позиции этой ценности для личности.

4. Наличие хороших и верных друзей – если до рейса ценность занимала достаточно устойчивое положение в ценностной иерархии, то после окончания рейса она получила нисходящий тренд миграции, что свидетельствует о переоценке такого, казалось бы, важного для социального бытия человека фактора, как верные друзья.

5. Познание – до рейса занимала устойчиво средние позиции в ценностной иерархии, а после рейса обрела достаточно четкий восходящий тренд в ценностной иерархии. Однако необходимо заметить, что восходящим

этот тренд можно назвать достаточно условно, поскольку он «восходит» к первоначальным иерархическим позициям данной ценности. Возможно, дефицит информации, оказавший свое влияние на личность респондентов во время рейса, а также понимание важности саморазвития, актуализировавшееся в сознании респондентов в процессе напряженной трудовой рутины, обозначили восходящий тренд ценности познания как возможного двигателя и движителя самоосуществления личности лишь в перспективе на будущее.

6. Высокие жизненные запросы – если до рейса эта ценность занимала достаточно устойчивое иерархическое место, то после она во временной перспективе обозначила восходящий тренд. Отчасти это можно объяснить, возможно, компенсаторными механизмами, работающими по логике «воздаяния за сейчас»: после воздействия экстремальных условий деятельности личность рассчитывает на перспективу получения заслуженных благ, которые будут отвечать новому, более высокому уровню запросов личности.

7. Чуткость – ситуация, аналогичная тренду ценности «Высокие жизненные запросы». Важность чуткости как свойства и характеристики межличностных отношений начинает осознаваться не иначе как в условиях ее полного или почти полного отсутствия. Причем возрастающий тренд направлен в будущее, что также может трактоваться как механизм компенсации «недополученности» чуткости в «здесь и сейчас».

Важным, на наш взгляд, является то, что если в ситуации «до» рейса в списке имеющих статистически значимые тренды были только терминальные ценности, то «после» воздействия ситуации экстремальности таковой статус обрели и инструментальные ценности (высокие жизненные запросы и чуткость). Очевидно, что переоценке ценностей в условиях

экстремальности подвергаются не только категории «ради чего жить», но и «как жить». Однако соотношение ценностных позиций, кардинально изменивших траектории во временной трансективе личности показывает, что более радикальному влиянию все-таки подвержены именно терминальные ценности, а не инструментальные.

Еще две характеристики, кардинально изменившие свои позиции во временной трансективе личности – это шкала СДВ «Структура времени» и оценка образа я по шкале личностного опросника NEO PI «Открытость новому опыту» (табл. 2).

Структура времени – до воздействия экстремальных условий жизнедеятельности

структура времени в представлении респондентов от прошлого к будущему изменялась в сторону более высоких значений: время в представлении респондентов становилось более размеренным, структурированным, понятным, проработанным, спланированным. После рейса свойство «Структура времени» сбивает этот четкий тренд и как бы «колеблется» относительно устойчивого положения. Возможно, это связано с темпоральными особенностями работы в длительном рейсе, в процессе которых время как параметр «дления личности» носит строго упорядоченный, ритмичный характер, и потому накладывает свой ситуативный отпечаток на глобальное время личности (время личности вообще).

Таблица 2

Статистически значимые изменения выраженности показателей семантического дифференциала времени и шкал опросника NEO PI при переходе по линии тренда «прошлое-настоящее-будущее» в замерах «до» и «после» по Критерию Фридмана $X^2 r$

Table 2

Statistically significant changes of expression indicators of semantic differential of time and scales of the questionnaire NEO PI during the transition "past-present-future" on the trend line in the measurements of "before" and "after" by Friedman $X^2 r$ test.

Шкалы СДВ и NEO PI	Замер «до»				Замер «после»			
	P- Уровень	Средние ранги			P-Уро- вень	Средние ранги		
		Про- шное	Настоя- щее	Буду- щее		Про- шное	Настоя- щее	Буду- щее
СД (Активность времени)	0,003	6,6	6	3,43	0,069 *	5,3	5,8	8,7
СД (Величина времени)	0,012	6,4	7,8	8,2	0,021	6,6	6,7	8,2
СД (Структура времени)	0,043	4,95	6,6	6,4	$P > 0,1$	4,39	5,65	6,26
Открытость новому опыту	$P > 0,1$	6,2	7,13	7,34	0,054	5,82	6,21	7,13
Дружелюбие	0,056	7,34	7,82	8,13	0,082 *	7,7	7,5	8
Сознательность	0,00001	5,89	7,78	8,56	0,00001	6,3	7,86	8,39
Направленность на внутренний мир	0,001	5	5,95	7	0,003	5,86	6,56	7

Примечание. * – изменения на уровне выраженной тенденции.

Note. * – changes at the level of the trend

Открытость новому опыту – важная с экзистенциальной точки зрения, а также с позиций самоактуализации личности характеристика. Примечательным является то, что если до воздействия экстремальных условий эта характеристика имела достаточно устойчивые позиции, не предполагающие никаких траекторий изменения значимости, то после рейса она четко возрастает. Хотя, следует отметить, что это возрастание скорее след «переосмысления и нового обретения» значимости этой категории, чем придание нового импульса. Но, с другой стороны, механизм нового обретения старого всегда сам по себе ценен для личности, поскольку позволяет по-новому оценить себя как такового и себя в контексте различных бытийных планов для саморазвития и самоосуществления во времени и пространстве.

Остальные ценностные компоненты, приведенные в таблице, оказались устойчивыми для воздействия экстремальных условий жизнедеятельности. Далее анализировались результаты методики репертуарных решеток, основой оценочных шкал которых являлись факторы «Большой пятерки». При этом объектами оценивания были такие объекты, как «Я в прошлом», «Я настоящее» и «Я в будущем». Полагая, что система «оценок Я», выполненная по базовым шкалам «Большой пятерки» и разнесенная по модусам личностного времени (прошлое, настоящее и будущее), является количественной системой оценки временной самоидентичности личности, и учитывая тот факт, что, по сути, данная оценка выполнена в метрической шкале, было сочтено возможным аддитивное сложение данных показателей для приближенного определения общей интегративной оценки времен-

ной самоидентичности личности. Таким образом, были получены четыре базовые показателя: «Я в прошлом» – как результат сложения показателей самооценивания стимула «Я в прошлом» по пяти факторам, «Я в настоящем» – определенное по аналогичной процедуре, «Я в будущем» и общее «временное Я». Несомненно, предложенная процедура может иметь более фундаментальное обоснование, поскольку цель настоящей работы эксплораторная, то мы сочли возможным использовать в данной исследовательской модели приближительное оценивание.

Данные показатели определялись для двух срезов: до длительного похода, выполнявшегося в экстремальных условиях жизнедеятельности и после него. Таким образом, была получена возможность исследовать не только тенденции изменения иерархических позиций ценностей в различных временных модусах – прошлого, настоящего и будущего, – но и выявить связность конкретных ценностных позиций в иерархии с соответствующим «временным Я». Данный методический прием позволяет определить степень интегративности системы ценностей с конструктом временной самоидентичности «Я». Поскольку эмпирическая выборка является предельно малой (23 человека), было решено интерпретировать не только те корреляционные связи, которые соответствуют принятому в психологии уровню статистической значимости (0,05 и менее), но рассматривать также те, которые находятся в пределах статистической значимости 0,1 (что соответствует 90 % достоверности). Многие из тенденций, предельно близко подошедшие к уровню статистической значимости 0,05, но не преодолевшие его, при увеличении объемов выборки принятый порог преодолевают.

Таблица 3

**Корреляционные связи системы ценностей с интегральным показателем выраженности
конструктов «Я» временных модусов самоидентичности**

Table 3

The correlation of the system of values of the integral indicator of the severity
of constructon "Me" time modes of self-identity

Ценностная позиция		Интегральный показатель конструктов «Я» временных модусов самоидентичности			
		Замер «до»		Замер «после»	
		Значение корреляции	P - уровень	Значение корреляции	P - уровень
Прошлое	Жизненная мудрость	-0,462	$P \leq 0,05$		
	Наличие хороших и верных друзей	0,432	$P \leq 0,05$		
	Счастье других	-0,368	$P \leq 0,1$		
	Жизнерадостность	-0,384	$P \leq 0,1$		
	Смелость в отстаивании своих интересов	0,59	$P \leq 0,01$		
	Честность	0,38	$P \leq 0,1$		
	Ответственность	0,495	$P \leq 0,05$		
	Рационализм	0,41	$P \leq 0,05$		
	Твердая воля	0,372	$P \leq 0,1$		
	Эффективность в делах	0,388	$P \leq 0,1$		
	Интересная работа			-0,354	$P \leq 0,1$
	Материально обеспеченная жизнь			-0,426	$P \leq 0,05$
	Развитие			0,454	$P \leq 0,05$
	Свобода			0,552	$P \leq 0,01$
	Счастливая семейная жизнь			0,346	$P \leq 0,1$
Исполнительность			-0,482	$P \leq 0,05$	
Настоящее	Активная деятельная жизнь	-0,392	$P \leq 0,1$		
	Исполнительность	-0,473	$P \leq 0,05$		
	Независимость	0,385	$P \leq 0,1$		
	Твердая воля	0,445	$P \leq 0,05$	0,363	$P \leq 0,1$
	Жизненная мудрость			0,375	$P \leq 0,1$
	Здоровье			-0,389	$P \leq 0,1$
	Наличие хороших и верных друзей			0,358	$P \leq 0,1$
	Самоконтроль			0,448	$P \leq 0,05$
Будущее	Здоровье	-0,401	$P \leq 0,1$		
	Познание	-0,353	$P \leq 0,1$		
	Аккуратность и чистоплотность	0,367	$P \leq 0,1$		
	Смелость в отстаивании своих взглядов	0,456	$P \leq 0,05$		
	Широта взглядов	-0,444	$P \leq 0,05$		

Красота природы и искусства			0,437	$P \leq 0,05$
Общественное признание			-0,391	$P \leq 0,1$
Развитие			-0,514	$P \leq 0,05$
Развлечение			0,392	$P \leq 0,1$
Воспитанность			0,402	$P \leq 0,1$
Самоконтроль			-0,520	$P \leq 0,01$
Твердая воля			0,456	$P \leq 0,05$

Так, было установлено, что самой прочно связанной с модусом временной самоидентичностью «Я» является связка «иерархия ценностей в прошлом – Я в прошлом» (10 корреляционных связей). Базовыми ценностями являются «жизненная мудрость», «смелость в отстаивании своих взглядов», «ответственность», «наличие хороших и верных друзей», «рационализм», а также «твердая воля», «эффективность», «честность» и др. Очевидно, что осознание специфики своей работы и опыт пребывания в длительных экстремальных условиях жизнедеятельности актуализирует те ценности, которые 1) социально-ориентированы по своей сути и/или 2) отражают экзистенциально заостренный характер будничного труда в экстремальных условиях. Характерно и показательно, что после длительного похода, система коррелятов закономерно изменилась – наиболее тесно связанными с «Я в прошлом» стали ценности «развитие», «свобода», «исполнительность» (как один из аспектов «свободы от»), «счастливая семейная жизнь» (актуализируется потребность в самореализации в семейной сфере, потребность в эмоциональной близости с ближайшим социальным окружением – семьей), а также стремятся на второй план (отрицательная корреляция) ценности «материального благополучия» и «интересной работы». Кроме того, количество значимых корреляций резко сократилось, что, на наш взгляд, свидетельствует о пере-

стройке ценностной системы после экстремальных воздействий с целью адаптации к новым актуальным условиям.

Корреляционная связка «Я в настоящем» – ценностная иерархия настоящего» оказалась самой «несвязной» (минимальное количество корреляций до и после длительного похода). Наибольшие значения корреляций в замере «до» получили ценности «твердая воля» и «исполнительность» (отрицательная корреляция), а также активная деятельная жизнь (отрицательная корреляция) и независимость. В замере «после» значимые корреляционные связи так же, как и в модусе «прошлое» коренным образом меняются: значимым становится «самоконтроль», а также «наличие хороших и верных друзей» и «здоровье» (причем последняя коррелирует с отрицательным знаком). Кроме того, остается в значимой тенденции категория «твердая воля». Данный факт указывает на важность активной деятельностной воли субъекта как фактора, с одной стороны, определяющего, организующего и направляющего бытие человека в пространстве альтернативных возможностей выбора и окружающей реальности, а с другой стороны, как интрасубъектной «точки сборки» временных модусов личности, или, как минимум, неперемного условия существования таковой (забегая вперед, укажем, что категория «твердая воля» – единственная категория, попавшая во все три модуса временной самоидентичности личности).

Корреляционная связка «Я в будущем» – ценности будущего имеет существенное отличие, помимо самоочевидной временной модальности, от описанных прошлого и настоящего: это временной модус, связность которого после прохождения длительного периода экстремальных воздействий увеличивается (количество выделенных корреляционных связей возрастает от замера «до» (5) к замеру «после» (7)). В замере «до» значимыми корреляционными связями с «Я в будущем» обладают «Здоровье», «Познание», «Аккуратность и чистоплотность», «Смелость в отстаивании своих взглядов», «Широта взглядов». А в замере «после» – «Красота природы и искусства», «Общественное признание», «Развитие», «Развлечения», «Воспитанность», «Самоконтроль», «Твердая воля». Логичным представляется вывод о том, что экстремальная ситуация жизнедеятельности может оказывать дезорганизующее (дискорреляционное) влияние на целостность представлений о прошлом (и временную самоидентичность личности в модальности «прошлое») на основе механизма переосмысления прошлого и переструктурирования ценностных отношений к своему прошлому и себе в прошлом, актуализирующее влияние на представление о настоящем и консолидирующее отношение к будущему, в котором находится будущая жизнь личности, в которое устремлены интересы, мотивы, интенции личности и которое имеет вероятностную природу бытия.

Необходимо также отметить, что сравнение выраженности временной самоидентичности личности по всем трем модусам («Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем»), равно как и сравнение интегральных показателей временной самоидентичности «Я» (арифметическая сумма всех трех модальностей временной самоидентичности «Я») в замерах «до» и «после» не дает значимых различий,

что позволяет сделать вывод о некотором устойчивом уровне временной самоидентичности для выборки (и, как следствие, для генеральной совокупности). Однако при более тщательном анализе было обнаружено, что вся выборка по способу реагирования на экстремальные воздействия делится весьма примечательным образом (статистически достоверное отличие подтверждено критерием углового преобразования Фишера – 3,61 при $P \leq 0,01$): большая часть выборки (13 человек) статистически достоверно увеличивают уровень выраженности своей временной самоидентичности (экстремальные условия жизнедеятельности становятся условием самопознания личности (Я) в применении к базовой бытийной категории – времени); другая часть выборки (7 человек) статистически достоверно (и, заметим, резко) ухудшают/понижают уровень временной самоидентичности «Я» (это люди, на которых экстремальные условия жизнедеятельности оказали дезинтегрирующее в плане временной самоидентичности «Я» воздействия); третья группа (самая малочисленная – 3 человека) практически не поменяла своей временной самоидентичности (устойчивая временная самоидентичность, для которой, по всей видимости, экстремальность не является важным фактором).

Заключение

Обобщая результаты исследования, следует отметить ряд тенденций трансформации ценностных структур временных модусов «Я», выявившихся в результате достаточно длительного проживания респондентов в условиях жизнедеятельности, кардинально отличающихся от привычных. Если в обычной жизни только терминальные ценности проявились в статистически значимых временных трендах, то «после» воздействия экстремаль-

ной ситуации такие тренды обнаружили и инструментальные ценности. Данный факт указывает на мотивирующую и регулирующую роль ценностей в структуре «возможного Я», выделяемого Н. Markus и Р. Nurius как части «рабочей Я-концепции» человека, функционирующей на микро- и макросоциальном уровнях [10; 11]. Если в привычных условиях жизнедеятельности в представлении о себе в будущей жизненной ситуации терминальные ценности определяют мотивирующую функцию «возможного Я», выражая социально ориентированный характер жизненных целей, то жизнедеятельность в кардинально отличных, околоэкстремальных условиях актуализирует регулирующую функцию инструментальных ценностей, отражающих экзистенциально заостренный характер будничного труда в экстремальных условиях, определяя адаптационный потенциал развития человека. Вместе с тем соотношение ценностных позиций, кардинально изменивших траектории во временной транспективе личности показывает, что более радикальному влиянию подвержены терминальные ценности, именно они определяют широту диапазона временной перспективы и, соответственно, обуславливают спектр «возможных Я» человека.

Трансформация ценностной структуры временных трендов самоидентичности, обнаружила взаимосвязь с показателями самой структуры времени в различных условиях жизнедеятельности. До воздействия экстремальных условий жизнедеятельности субъективное время в представлении респондентов от прошлого к будущему становилось более размеренным, структурированным, понятным, проработанным, спланированным. Упорядоченный, ритмичный характер деятельности в условиях, отличных от обыденных, накладывает свой ситуативный отпечаток на

субъективное время личности. После возвращения из рейса ранее устойчивый тренд свойства «Структура времени» обнаруживает определенные сбои. Если в обычных условиях жизнедеятельности человек определяет свое место во временном континууме (прошлое – настоящее – будущее), ориентируясь на ценности социального окружения, демонстрируя в большей степени характеристики «группового отношения ко времени» [19], то в депривационных жизненных условиях идентификация себя во временных модусах обусловлена в большей степени временем физическим, что указывает на цикличность характера идентификационных процессов.

Обозначенные тенденции определенно соотносятся с изменениями идентификационных конструктов образа «Я» во времени. Начиная самоактуализационная характеристика «Открытость новому опыту» до воздействия экстремальных условий не предполагала каких-либо траекторий изменения, после проживания респондентами экстремальных условий ее показатели обретают устойчивую тенденцию к росту. Данный показатель динамики идентификационных процессов демонстрирует действие механизма «переосмысления имеющегося и нового обретения старого», позволяющего человеку оценить себя в контексте различных бытийных планов саморазвития и самоосуществления во времени и пространстве, что само по себе представляет ценность для личности.

Очевидно, данное исследование является скорее эксплораторным, очерчивающим некие границы феномена динамической трансформации ценностно-смысловой сферы личности в экстремальных условиях жизнедеятельности, но его результаты показывают, что ценностная иерархия закономерно подвержена ряду коренных изменений, что должно

статья перспективной для дальнейших исследований в этой сфере. Дальнейшее изучение вре-

менной самоидентичности «Я» требует совершенствования методологического и методического инструментария исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Aelenei C., Lewis N.A., Oyserman D.** No pain no gain? Social demographic correlates and identity consequences of interpreting experienced difficulty as importance // *Contemporary Educational Psychology*. – 2017. – Vol. 48. – P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.004>
2. **Berzonsky M. D., Papini D. R.** Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment // *Identity. An international journal of theory and research*. – 2014. – Vol. 14, Issue 2. – P. 96–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15283488.2013.858228>
3. **Breakwell G. M.** Coping with threatened identities. – L. – N.H.: Mithuen, 1986. – 222 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
4. **Corcoran K., Peetz J.** Looking towards the past or the future self: how regulatory focus affects temporal comparisons and subsequent motivation // *Self and identity*. – 2013. – Vol. 13, Issue 1. – P. 81–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2012.762614>
5. **Jaspal R., Cinnirella M.** The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory // *Ethnicities*. – 2012. – Vol. 12, Issue 5. – P. 503–530 DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796811432689>
6. **Jaspal R., Nerlich B., Cinnirella M.** Human responses to climate change: social representation, identity and socio-psychological action // *Environmental communication*. – 2013. – Vol. 8, Issue 1. – P. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/17524032.2013.846270>
7. **Lachowicz-Tabaczek K., Bajcar B.** Future self-appraisals and global self-esteem: Who benefits more from thinking about the future, and why? // *Self and identity*. – 2017. – Vol. 16, Issue 1. – P. 1–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2016.1270850>
8. **Laing R. D.** Selected works RD laing: self & other V2. – New York: Taylor & Francis e-library, 2002. – 169 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203210321>
9. **Luckmann T.** On Social interaction and the communicative construction of personal identity, knowledge and reality // *Organization Studies*. – 2008. – Vol. 29, Issue 2. – P. 277–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840607087260>
10. **Markus H.R., Kitayama S.** Cultures and selves: a cycle of mutual constitution // *Perspectives on psychological science*. – 2010. – Vol. 5, Issue 4. – P. 420–430. DOI: <http://doi.org/10.1177/1745691610375557>
11. **Markus H. R., Nurius P.** Possible selves // *American psychologist*. – 1989. – Vol. 41, Issue 9. – P. 954–969. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.41.9.954>
12. **Oyserman D., Destin M., Novin S.** The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and identity* – 2014. – Vol. 14, Issue 2. – P. 173–188. DOI: <http://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
13. **Smythe T. W.** Knowledge of a person's future identity // *International journal of humanities social Sciences and education (IJHSSE)*. – 2016. – Vol. 3, Issue 3. – P. 66–68. DOI: <https://doi.org/10.20431/2349-0381.0303009>
14. **Soenens B., Berzonsky M. D., Papini D. R.** Attending to the role of identity exploration in self-esteem // *International journal of behavioral development*. – 2016. – Vol. 40, Issue 5. – P. 420–430. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025415602560>

15. **Sokol Y., Serper M.** Temporal self-appraisal and continuous identity: associations with depression and hopelessness // *Journal of affective disorders*. – 2017. – Vol. 208. – P. 503–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2016.10.033>
16. **Waterman A. S.** Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research // *Development psychology*. – 1982. – Vol. 18 (3). – P. 341–358 DOI: <https://doi.org/10.1037//0012-1649.18.3.341>
17. **Белинская Е. П.** Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // *Психологические исследования*. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 12.
18. **Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А.** Средовая идентичность: содержание понятия // *Сибирский психологический журнал*. – 2015. – № 58. – С. 136–148. DOI: <http://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
19. **Нестик Т. А.** Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // *Психологический журнал* – 2014. – Т. 35, № 3. – С. 5–19.
20. **Неяскина Ю. Ю., Мазуркевич А. В.** Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // *Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки* – 2014. – № 1 (23). – С. 94–105.
21. **Сергиенко Е. А., Киреева Ю. Д.** Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством здоровья // *Психологический журнал*. – 2015. – Т. 36, № 4. – С. 23–35.
22. **Серый А. В., Вечканова Е. М.** Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2015. – № 3–3 (63). – С. 238–247.
23. **Серый А. В., Яницкий М. С.** Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // *Психологические исследования*. – 2015. – Т. 8, № 43. – С. 12.
24. **Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В.** Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // *Философия образования*. – 2013. – № 1 (46). – С. 175–186.
25. **Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А.** Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. – 2012. – № 2 (20). – С. 175–180.

DOI: [10.15293/2226-3365.1703.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1703.07)

Andrey Viktorovich Mazurkevich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Theoretical and Practical Psychology Department, Psycho-Pedagogical Faculty, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

E-mail: lokys72@mail.ru

Mikhail Sergeyeovich Yanitskiy, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Director of Socio-Psychological Institute, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Andrey Viktorovich Seryy, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Social Psychology and Psychosocial Technologies Department, Socio-Psychological Institute, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

E-mail: avgrey@yahoo.com

Temporal aspects of transformation self-identity value structure in conditions of radical changes in life situations

Abstract

Introduction. *The article provides an overview of theoretical frameworks, allowing to consider the system interaction of personal, social and temporal aspects of self-identity in changes of life situations. The purpose of the article is to identify and describe the main trends in the transformation of value-semantic sphere of individuals, determining the stability / variability of "I-images" in the conditions of radical changes of life, and to set the vector and to outline further research on the issue.*

Materials and Methods. *The model group consisted of professional sailors, who were considered as an example, demonstrating self-fulfillment in a radical change of situation. The empirical base is represented by two measurements, carried out consecutively in the following three modes: the past, present and future on the same sample, under normal conditions of life and the conditions of a long voyage. For this study, the Rokeach's test of value orientations, Semantic time differential, and authors' methodological procedure of repertory grid technique were employed.*

Results. *The authors outline the trends of changing hierarchical value positions in a variety of time modes: the past, present and future. The interconnection of specific value positions in the hierarchy with the appropriate "temporal I" is described. The results indicate the degree of value system integrity with the structure temporary "I" self-identity. This article investigates how time and environment factors influence the identification process, and reveals the specific features of temporal transformations in individual's self-identity value structures in extreme conditions. The authors emphasize the determining role of situation contexts in the analyzed processes.*

Conclusions. *The findings enhance our understanding of the regular nature of value-time transformations in individuals' self-identity within the framework of extreme life conditions. The authors emphasize the explorative and empirical nature of the study. However, more research on this topic needs to be undertaken.*

Keywords

Value orientation; Identification processes; Temporal perspective; Temporary identity; Stability of self-identity; Life-situation; Temporal trend values.

REFERENCES

1. Aelenei C., Lewis N.A., Oyserman D. No pain no gain? Social demographic correlates and identity consequences of interpreting experienced difficulty as importance. *Contemporary Educational Psychology*, 2017, vol. 48, pp. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.004>
2. Berzonsky M. D., Papini D. R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment. *Identity. An International Journal of Theory and Research*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 96–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15283488.2013.858228>
3. Breakwell G. M. *Coping with threatened identities*. L., N.H., Mithuen Publ., 1986, 222 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
4. Corcoran K., Peetz J. Looking towards the past or the future self: how regulatory focus affects temporal comparisons and subsequent motivation. *Self and Identity*, 2013, vol. 13, no. 1, pp. 81–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2012.762614>
5. Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory. *Ethnicities*, 2012, vol. 12, no. 5, pp. 503–530. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796811432689>
6. Jaspal R., Nerlich B., Cinnirella M. Human responses to climate change: social representation, identity and socio-psychological action. *Environmental Communication*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/17524032.2013.846270>
7. Lachowicz-Tabaczek K., Bajcar B. Future self-appraisals and global self-esteem: Who benefits more from thinking about the future, and why? *Self and Identity*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 1–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2016.1270850>
8. Laing R. D. *Selected works RD laing: self & other V2*. New York, Taylor & Francis e-Library Publ., 2002, 169 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203210321>
9. Luckmann T. On social interaction and the communicative construction of personal identity, knowledge and reality. *Organization Studies*, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 277–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840607087260>
10. Markus H. R., Kitayama S. Cultures and selves: a cycle of mutual constitution. *Perspectives on Psychological Science*, 2010, vol. 5, no. 4, pp. 420–430. DOI: <http://doi.org/10.1177/1745691610375557>
11. Markus H. R., Nurius P. Possible selves. *American Psychologist*, 1989, vol. 41 (9), pp. 954–969. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.41.9.954>
12. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 173–188. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
13. Smythe T. W. Knowledge of a person's future identity. *International Journal of Humanities Social Sciences and Education (IJHSSE)*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 66–68. DOI: <https://doi.org/10.20431/2349-0381.0303009>
14. Soenens B., Berzonsky M. D., Papini D. R. Attending to the role of identity exploration in self-esteem. *International Journal of Behavioral Development*, 2016, vol. 40, no. 5, pp. 420–430. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025415602560>
15. Sokol Y., Serper M. Temporal self-appraisal and continuous identity: Associations with depression and hopelessness. *Journal of Affective Disorders*, 2017, vol. 208, pp. 503–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2016.10.033>

16. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research. *Development Psychology*, 1982, vol. 18 (3), pp. 341–358. DOI: <https://doi.org/10.1037//0012-1649.18.3.341>
17. Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 12–12. (In Russian). <http://elibrary.ru/item.asp?id=23593090>
18. Muravyova O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Environmental identity: the concept content. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. (In Russian). DOI: <http://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
19. Nestik T. A. Social psychology of time: actual state and prospects of researches. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2014, vol. 35, no. 3, pp. 5–19. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21672711>
20. Neyaskina Yu. Yu., Mazurkevich A. V. Interrelation between subjective life quality and personality's time perspective. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Humanities*, 2014, no. 1, pp. 94–105. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21636863>
21. Sergienko E. A., Kireeva Y. D. Individual variants of subjective age and its correlations with factors of time perspective and quality of health. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, vol. 36, no. 4, pp. 23–35. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24001555>
22. Seryy A. V., Vechkanova E. M. Temporal aspects of the actualization of the semantic facets of subjective images in the experience of identity crisis during adolescence. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 3–3, pp. 238–247. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24305945>
23. Seryi A. V., Yanitskii M. S. Semantic aspects of the experience of the social identities crisis in the forced change of life situation. *Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 43, pp. 12–12. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26165033>
24. Yanitsky M. S., Seryi A. V., Pelekh Yu. V. The value-and-meaning paradigm as a basis of the post-nonclassical pedagogical psychology. *Philosophy of Education*, 2013, no. 1, pp. 175–186. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18828627>
25. Yanitskiy M. S., Seryi A. V., Prokonich O. A. Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Humanities*, 2012, no. 2, pp. 175–180. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18574680>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).